

УДК 316.35; 331.101.3

DOI: 10.25629/НС.2022.01.23

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕННОСТИ ПОТРЕБНОСТЕЙ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Мекебаев Н.С.¹, Перевозкина Ю.М.^{1,2}, Федоришин М.И.^{1,2}

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

²Новосибирский государственный педагогический университет

Аннотация. Военная деятельность выступает важной сферой труда, связанной с необходимостью учета командных ментальных моделей, от точности и согласованности которых зависит эффективность результат выполнения служебно-боевых задач подразделениями. Уже на начальном этапе взаимодействия военнослужащим необходимо адаптировать, скорректировать, а иногда и полностью изменить опыт, убеждения и потребности, которые связаны с индивидуальной ментальной моделью, с целью интеграции новых знаний и выработки совместного решения. Целью исследования выступило изучение коллективной ментальной модели военнослужащих, включающей не только ролевое взаимодействие, но и потребности, актуализирующиеся в заданной ситуации. Дизайн исследования предполагал выбор военнослужащими (N=167 человек) ролей в качестве собственной идентичности и подбора ролей для двух других участников социального взаимодействия. На этом основании были построены обобщенные ролевые ментальные модели, состоящие из трех ролей. В зависимости от диагностированной ментальной модели осуществлялось сравнение потребностей, выявленных по опроснику Э. Шнайдера (ANOVA). Результаты исследования показали, что обнаружены статистически значимые различия в потребностях достижения, порядке и пониманий у военнослужащих с разными ментальными моделями взаимодействия ($p \leq 0,05$). В заключении делается вывод, что потребность может выступать фактором, определяющим особенности коллективных ментальных моделей военнослужащих.

Ключевые слова: ментальная модель, военнослужащий, военно-профессиональная деятельность, стиль руководства.

Введение в проблему

В последнее десятилетие наблюдается заметный рост исследований, связанных с изучением взаимодействия между партнерами по общению в различных условиях. Военно-профессиональная деятельность связана с высокой актуализацией человеческих ресурсов, т.к. военнослужащие систематически сталкиваются с выполнением служебно-боевых задач в чрезвычайных ситуациях. Также профессиональная подготовка военнослужащих требует готовности применять полученные знания в стрессогенных условиях. В этом случае важное значение имеют индивидуальные интерпретации и понимание одной и той же служебной ситуации различными участниками деятельности. Это непосредственно отражено в ментальных моделях взаимодействия. Поэтому военная деятельность выступает очевидной областью для изучения командных ментальных моделей, от точности и согласованности которых зависит эффективность результат выполнения служебно-боевых задач подразделениями.

Однако вопрос о том, каким образом происходит согласование ментальных моделей у военнослужащих, какие факторы опосредует данное согласование остается открытым из-за размытости природы самого взаимодействия, проблемы определения критериев, позволяющих выйти на типы командных ментальных моделей. Еще одним основным вопросом является про-

блема интеграции различных индивидуальных ментальных моделей в обобщенную коллективную ментальную модель. Это связано с тем, что, как правило, военнослужащие в процессе службы и жизненного опыта разные знания и имеют собственные ожидания относительно цели, текущей ситуации или системы взаимодействия. С одной стороны, коллектив может столкнуться с недопониманием или проблемами координации, что часто приводит к пустой трате времени и ресурсов. С другой стороны, из-за формализации военной службы, определенной нормативно-правовыми актами (Устав), военнослужащие не могут реализовать свои потребности в процессе служебного взаимодействия, следовательно, налицо ограничение индивидуальных ментальных моделей [8, 107-109]. Очевидно, что изучение коллективных ментальных моделей будет иметь большое значение для военно-профессиональной деятельности, особенно в период выполнения служебно-боевых задач, связанных с риском для жизни, в которых необходимо найти точки соприкосновения. Одна из возможных причин того, что до сих пор существует ограниченное количество эмпирических исследований командных ментальных моделей в военно-профессиональной деятельности, заключается в том, что познание в целом и ментальные модели в частности, как известно, трудно изучать. Не существует простого способа измерить ментальные модели в любой момент времени. Еще сложнее изучить их развитие. Таким образом, данная работа может выступать основой для дальнейших исследований, включая обзор современного состояния, а также разработку методов эмпирического исследования коллективных ментальных моделей военнослужащих.

Краткий обзор исследований

Анализ взаимодействия в воинском коллективе является перспективным для понимания того, как военнослужащие взаимодействуют при решении служебно-боевой задачи и как они приходят к совместным решениям. Этот процесс можно описать как интеграцию социальных и когнитивных взаимосвязанных действий [10, 177-197]. На начальном этапе военнослужащим необходимо адаптировать, скорректировать, а иногда и полностью изменить опыт, убеждения и мотивацию, которые связаны с индивидуальной ментальной моделью, с целью интеграции новых знаний и выработки совместного решения.

Ментальные модели рассматриваются как внутренние представления, которые военнослужащие создают о военно-профессиональных ситуациях. Эта структура включает в себя убеждения и предположения о том, как функционируют субъекты в определенных ситуациях. Ментальные модели являются не только структурированными знаниями и убеждениями, но и источником для выбора и интерпретации новой информации и, таким образом, определяют поведение военнослужащих в нестандартных и экстремальных ситуациях. Поскольку ментальные модели представляют собой индивидуальные интерпретации, они могут быть более или менее адекватными реальной служебно-боевой обстановке. Вместе с тем, несоответствие индивидуальной ментальной модели ситуации, может привести к неправильному принятию решения, вследствие чего происходит не качественное выполнение служебно-боевой задачи подразделением.

Общие ментальные модели определяются как степень совпадения между членами команды содержания известных компонентов и их структуры [25, 123-165]. Критические вопросы, поднятые S. Mohammed & B. C. Dumville [24, 89-106] включают в себя вопросы связанные с адекватностью степени общности в процессе формирования обобщенной ментальной модели членами команды и как такие факторы, как профессиональная среда, тип задачи и опыт команды, влияют на степень общности. По данным H. Casakin et al. [17, 173-183], социальные группы достигают сплоченности, когда участники могут создать интеграционные узы, связывающие их друг с другом. Склонность к единству группы, которая работает над достижением общей цели, укрепляет ее сплоченность [16, 89-106; 13, 989-1004]. В свою очередь, сплоченность команды реализуется с точки зрения признания мнения другого, помощи, предоставляемой членами группы друг другу.

Кроме того, еще одна тема, требующая дальнейшего разъяснения, – это то, как измерять компоненты ментальной модели и их вероятные связи с течением времени. Bierhals et al. [14,

75-94] измерили влияние общих ментальных моделей на успеваемость в студенческих группах. Они обнаружили, что актуализация общих знаний в процессе взаимодействия и сформированная командная ментальная модель выступают положительными предикторами социальных отношений. А. Dong, M. Kleinsmann, F. Deken [18, 1-33] определили факторы, влияющие на участника взаимодействия, и выявили различные механизмы сотрудничества в формировании ментальной модели взаимодействия как внутри команды, так и в целом с остальными членами организации. Ученые объясняют такое поведение через моделирование [12, 42-58] и социальные референции [23, 427-432], идентификацию [22, 649-659], «аффективную настройку» [27], «внутренние рабочие модели» [15, 89-111], и, в конечном итоге, как «ментализация» и «рефлексивное функционирование», под которыми понимается способность делать выводы и представлять свои психические состояния и других [26, 185-203].

Проведенный теоретический обзор позволил сформулировать два положения, на которых основывается наша позиция.

1) Прогрессивная интеграция и организация мотивационных, эмоциональных и метакогнитивных компонентов составляет основу, процесса, который мы связали с современными вычислительными моделями функции мозга и назвали «социальный метакогнитивизм» (А.В. Карпов), обозначенный в терминологии С.И. Goodier & R. Soetanto [20, 203-217] воплощенной ментализацией. Ментализация понимается как форма социального познания, способствующая перцепции, осознанию и интерпретации своего поведения и других субъектов. Ментализация основывается на актуализации эмоциональных, мотивационных и когнитивных аспектов, протекающих в бессознательном и сознательном планах. Это способность, посредством рефлексии, понимать психическое состояние самого себя и окружающих людей. Это форма социального познания, позволяющая нам воспринимать и интерпретировать человеческое поведение как обусловленное не только внешними факторами, но и интенциональными состояниями, например, потребностями, целями, желаниями, чувствами, представлениями [20, 203-217].

2) Ментализация регулируется теми же принципами, которые мотивируют и ограничивают взаимодействие с другими людьми. Так существует необходимое множество таких воплощенных «проксимальных» взаимодействий, особенно в отношении ментализации. В совокупности такие переживания проксимального взаимодействия создают базис ментализации и, следовательно, конституцию «я-концепции», включая прогрессивное усложнение ментального различия между «субъект-объект», «я-другой» [21, 477-493].

В свою очередь структура ментальной модели согласно, P. Badke-Schaub et al. [9, 1-3] состоит из восприятия актуальной ситуации, потребностей субъекта, реализуемых в данной ситуации, опыта и знаний личности относительно заданной ситуации. Так, с точки зрения G. Goldschmidt [19, 43-50] необходимо обращаться к роли, которую визуальные представления играют в формировании и передаче ментальных моделей при проектировании и утверждает, что это следует учитывать при изучении командных ментальных моделей. В свою очередь, любая интеракция предполагает взаимодействие между актерами, которые находятся в определенных ролевых позициях [6]. Следовательно, любое взаимодействие, сопрягается с ментальной моделью, которая является проекцией упрощенных схем на реальную ситуацию и включает восприятие этой ситуации, идентификацию потребности, актуализацию роли и предположение какие ожидания с ней связаны [1, 5-17]. Авторами представлены данные об особенностях ролевой идентичности военнослужащих [2, 115-123], структуры социального взаимодействия [3, 127-134]. Особенно ролевое взаимодействие характерно для военнослужащих, которые существуют в жесткой формализованной среде, где осуществляется четкое распределение между ролями. В наших исследованиях показано, что на формирование ментальных моделей военнослужащих оказывает влияние боевой опыт [4, 138-148], специфика выполнения задач в военно-профессиональной деятельности [5, 65-76]. Причем акцентируется тот факт, что для эффективного взаимодействия, необходимым условием выступает синхронность, согласованность всех структурных элементов социального взаимодействия военнослужащих. Это имеет прямое отношение к обобщенным коллективным ментальным моделям. Так

P. Badke-Schaub et al. [9, 1-3] представляют доказательства важности коммуникации и синхронизации между разными членами команды в процессе формирования обобщенных ментальных моделей. Таким образом, налицо необходимость определения коллективной ментальной модели военнослужащих, включающей не только ролевое взаимодействие, но и потребности, актуализирующиеся в заданной ситуации, что и послужило целью исследования.

Методы и методики

С целью определения универсальной модели социального взаимодействия военнослужащих было проведено исследование военнослужащих в количестве 167 человек. Исследование реализовалось на базе Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты 3 года обучения в количестве 54 человек и военнослужащие по контракту в количестве 113 респондентов.

Диагностика потребностей осуществлялась по опроснику Э. Шнейдмана, который выявляет выраженность у личности 20 потребностей, сформулированных Г. Мюрреем. Кроме того, для изучения ментальных моделей ролевого взаимодействия предполагался выбор военнослужащими ролей в качестве собственной идентичности и подбора ролей для двух других участников социального взаимодействия. Для этого все обследуемые проходили индивидуальную диагностику по методике «Калейдоскоп» [7]. С каждым участником исследования проводилось интервью, включающее в себя выбор фигуры (из стимульного материала методики «Калейдоскоп»), с которой он себя идентифицирует в настоящей повседневной ситуации в рамках профессионального взаимодействия. Помимо этого, интервьюируемому нужно было, выбрать еще две фигуры, с которыми он взаимодействует в контексте военно-профессиональной деятельности и описать их. Затем, на основе частотного анализа были определены различные сочетания ролевых моделей, наиболее часто встречаемые у военнослужащих, которые рассматривались нами в качестве ментальных моделей. Итого было получено 10 ментальных моделей: 1 – отец-герой-старик; 2 – герой-старик-отец; 3 – герой-старик-трикстер; 4 – герой-старик-мальчик; 5 – герой-отец-трикстер; 6 – герой-отец-мальчик; 7 – другое сочетание; 8 – отец-трикстер-мальчик; 9 – отец-герой-трикстер; 10 – отец-герой-мальчик. Каждому респонденту присваивался номер соответствующей модели. Необходимо отметить, что ментальные модели под номером семь не принимались к рассмотрению ввиду их большой вариативности.

Дизайн исследования предполагал сравнение потребностей у респондентов в зависимости от диагностированными ментальными моделями. Для этого применялся однофакторный дисперсионный анализ, который используется в случаи однородной дисперсии. Расчет однородности дисперсии по критерию Leven (табл. 1) показал их однородность ($p > 0,05$). В качестве зависимых переменных выступили потребности, в качестве группирующей переменной явилась ментальная модель, имеющая 10 градаций.

Результаты и их обсуждение

Обнаружены статистически значимые различия в потребностях достижения, порядке и пониманий у военнослужащих с разными ментальными моделями взаимодействия ($p \leq 0,05$).

Результаты исследования демонстрируют, что наиболее выражена потребность в достижении у курсантов со следующими ментальными моделями: 10 – отец-герой-мальчик ($M=21,5$ баллов); 1 – отец-герой-старик ($M=15,9$ баллов); 3 – герой-старик-трикстер ($M=14,3$ баллов). Потребность в достижении предполагает готовность индивида к реализации высоких стандартов в военно-профессиональной деятельности, стремление к достижению поставленных целей, овладению навыками, необходимыми в служебно-боевой деятельности. Следовательно, для вышеперечисленных обобщенных коллективных ментальных моделей, основной является потребность в достижении. Между первыми двумя моделями общим является идентификация курсантов с ролевой модели отца, которая характеризуется высокой организаторской деятельностью, контролем, рациональностью, ответственностью, дисциплинированностью и стремлением к порядку. Кроме того, данные модели обобщает то что один из участников взаимодействия соотносится с ролью героя, а в третьей модели военнослужащий сам идентифицируется

с этой ролью. Данная ролевая модель обладает энергичностью, инициативностью, увлеченностью, способностью преодолению препятствий, готовность к разумному риску, а также к стремлению защитить окружающих от реального или выдуманного «врага». Вторую и третью модель объединяет роль старика, которую курсанты сопоставляют одним из участников взаимодействия. Эта ролевая модель характеризуется консервативностью, приверженностью традициям, умудренностью жизненным опытом. В конфликтных ситуациях субъекты с доминирующей ролевой моделью старика проявляют спокойствие и терпение. Необходимо отметить, что часть военнослужащих (20 %), ассоциируют ролевую модель старика с неформальным лидером, который в своей военно-профессиональной деятельности имеет большой и разносторонний служебный опыт. Эта модель является для них наставником (29 %), которого они характеризуют как мудрого (30 %) и рассудительного (25 %). Дифференцирующей ролью, отличающую первую модель от остальных является роль мальчика, которую курсанты включают в модель социального взаимодействия в виде партнера по интеракции. Роль мальчика интерпретируется через такие качества как импульсивность, смелость, фантазерство, поисковая активность, направленность на конкретную задачу и ассоциируются с однокурсниками (12 %), которые являются душой компании и с ними интересно проводить свободное время. В тоже время отличительной чертой третьей модели выступает роль трикстера с такими ожиданиями как экспрессивность, незаурядность, изобретательность, эксцентричность.

Таблица 1 – Сравнение потребностей в зависимости от типа ментальных моделей взаимодействия курсантов

Потребности	Leven		ANOVA	
	F	p	F	p
Самоуничижение	1,69	0,240	1,15	0,333
Достижение	1,42	0,110	2,09	0,034
Принадлежность	1,49	0,159	0,74	0,674
Агрессия	1,02	0,213	1,13	0,347
Автономия	1,02	0,430	0,85	0,569
Противодействие	1,13	0,349	0,49	0,879
Защита	0,47	0,893	0,54	0,846
Почтение	0,66	0,741	0,37	0,946
Доминирование	0,69	0,715	0,78	0,639
Демонстративность	1,41	0,191	0,75	0,663
Избегание опасности	0,37	0,946	1,13	0,344
Неприкосновенность	0,78	0,639	1,00	0,447
Забота	0,75	0,663	1,18	0,310
Порядок	1,13	0,344	3,07	0,002
Игра	0,87	0,553	0,88	0,548
Отвержение	0,71	0,697	0,44	0,913
Чувственность	0,44	0,913	0,48	0,889
Избежание стыда	0,53	0,852	1,54	0,142
Получение поддержки	0,58	0,808	0,64	0,764
Понимание	1,43	0,183	1,94	0,045

Потребность в порядке, под которой понимается стремление к структурированию как окружающего пространства, так и внутреннего мира, максимально представлена у военнослужащих с ментальной моделью 8 – отец-трикстер-мальчик (M=18,7 баллов). Действительно данная потребность тесно сопрягается с ведущей ролью отца, имеющий такие экспектации как способность к организаторской деятельности, потребность в контроле окружающих, дисциплинированность и стремление к порядку. Только в рамках данной ролевой модели у военнослужащего имеется возможность управлять подчиненными, демонстрирующих роли, объединяющим началом которых является хаотичность, низкая дисциплинированность и выполнения приказов (роли трикстера и мальчика).

Наибольшую выраженность потребности в понимании имеют военнослужащие со следующими ментальными моделями: 9 – отец-герой-трикстер (M=11,4 баллов); 1 – отец-герой-старик (M=10,1 балов), 5 – герой-отец-трикстер (M=9,5 баллов). Потребность в понимании рассматривается в качестве когнитивной потребности личности, стремлению к систематизации, к анализу фактов и выявлению взаимосвязей между ними, к построению некой упорядоченной системы ценностей. Эта потребность, относимая к базовым потребностям человека, детерминирует коллективные ментальные модели, объединяющим началом которых является идентификация военнослужащих с ролевой моделью отца, взаимодействующих с военнослужащими в роли героя, характеристики которых представлены выше. Дифференцирующими ролями для этих двух моделей выступают роли старика и трикстера. Такое структурирование свидетельствует о том, что, военнослужащие с девятой ментальной моделью больше тяготеют к авторитарному стилю руководства, в то время как представители с первой ментальной моделью отличаются демократическим стилем, так как готовы принять во внимание служебно-боевой опыт в военно-профессиональной деятельности своих подчиненных. Девятую и пятую ментальную модель объединяет ролевая модель трикстера, которую респонденты ассоциируют с другим участником взаимодействия. В тоже время общей тенденцией между пятой и первой ментальными моделями является управлением подразделением, в котором подчиненные имеют более продолжительный служебно-боевой опыт, чем сам командир. Это означает, что данная ментальная модель апеллирует к комплексному стилю руководства, предполагающему гибкость в командовании воинским коллективом. Данный тезис убедительно отражает специфику положений, полученных в исследовании Р. Badke-Schaub, A. Neumann, K. Lauche & S. Mohammed [11, 5-20] относительно командной ментальной модели. В рамках теоретических разработок авторы предполагают, что каждый член команды воспринимает реальность благодаря своему активному восприятию, памяти (опыт), предшествующим знаниям и потребностям. Эти факторы могут существенно различаться между отдельными субъектами взаимодействия. В нашем случае был доказан факт наличия дифференцирующих возможностей потребностей в обобщенной коллективной ментальной модели.

Выводы

1. Потребность выступает одним из базовых элементов оказывающая влияния на процесс ментализации и формирования обобщенных коллективных ментальных моделей социального взаимодействия военнослужащих.

2. Потребность в порядке, является базовой для военнослужащих, идентифицирующихся с ролью отца, которая ассоциируется чаще всего с ролью командира. Кроме того, у военнослужащих с доминирующей ролевой моделью отца и героя, выражена потребность в достижении, которая предполагает готовность индивида к реализации высоких стандартов в военно-профессиональной деятельности.

3. Отдельным объяснительным средством может служить феномен стиля управления воинским коллективом, зависящий от выбора роли, с которой идентифицирует себя командир и комбинации ролей подчиненных.

4. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что потребность может выступать фактором, определяющим особенности коллективных ментальных моделей военнослужащих и влияющей на эффективность выполнения поставленной задачи перед командой.

Библиография

1. Карпов А.В. Структурно-темпоральная системность ролевой социализации / А.В. Карпов, Ю.М. Первозкина // Системная психология и социология. – 2019. – № 3(31). – С. 5-17.
2. Мекебаев Н.С. Ролевая идентичность военнослужащего / Н.С. Мекебаев, Ю.М. Первозкина, Е.В. Ветерок // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 2. – С. 115-123.
3. Мекебаев Н.С. Структура социального взаимодействия: модели и теории / Н.С. Мекебаев, Ю.М. Первозкина, С.Б. Первозкин // Современная реальность в социально-психологическом контексте - 2021. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск. – 2021. – С. 127-134.
4. Мекебаев Н.С. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих в ситуации боевых действий / Н.С. Мекебаев, Ю.М. Первозкина, М.И. Федоришин // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2021. – № 3(9). – С. 138-148.
5. Мекебаев Н.С. Ментальные модели социального взаимодействия военнослужащих / Н.С. Мекебаев, Ю.М. Первозкина, М.И. Федоришин // СМАЛЬТА. – 2021. – № 3. – С. 65-76.
6. Мид Дж. Сознание, самость и общество / Дж. Мид // Директ-Медиа. – 2007. – С.171.
7. Патент № 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности: № 2016105668: заявл. 18.02.2016: опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20 [Электронный ресурс] / Первозкина Ю. М., Панышина Л. В., Андроникова О. О., Дмитриева Н. В.; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. 2 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38267575> (дата обращения: 05.12.2021).
8. Федоришин М.И. Индивидуализация в профессиональной подготовке военных / М.И. Федоришин // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. – 2018. – №4. – С. 107–109. doi.org/10.18255/1996-5648-2018-4-107-109.
9. Badke-Schaub P. Team mental models in design / P. Badke-Schaub, K. Lauche, A. Neumann // CoDesign. – 2007. – Vol. 3(1). – P. 1-3. doi.org/10.1080/15710880601170743.
10. Badke-Schaub P. An observation-based method for measuring the sharedness of mental models in teams. In Coordination in Human and Primate Groups / P. Badke-Schaub, A. Neumann, K. Lauche // Springer, Berlin, Heidelberg. – 2011. – P. 177–197. doi.org/10.1007/978-3-642-15355-6_10.
11. Badke-Schaub P. Mental models in design teams: a valid approach to performance in design collaboration? / P. Badke-Schaub, A. Neumann, K. Lauche, S. Mohammed // CoDesign. – 2007. – Vol. 3(1). – P. 5-20. doi.org/10.1080/15710880601170768.
12. Bandura A. The role of modeling processes in personality development / A. Bandura // The young child Washington, DC: National Association for the Education of Young Children. – 1967. – P. 42–58.
13. Beal D.J. Cohesion and performance in groups: a meta-analytic clarification of construct relations / D.J. Beal, R.R. Cohen, M.J. Burke, C.L. Mclendon // Cohesion Journal of Applied Psychology. – 2003. – Vol. 88(6). – P. 989–1004. doi.org/10.1037/0021-9010.88.6.989.
14. Bierhals R. Shared mental models—linking team cognition and performance / R. Bierhals, I. Schuster, P. Kohler, P. Badke-Schaub // CoDesign. – 2007. – Vol. 3(1). – P. 75-94. doi.org/10.1080/15710880601170891.
15. Bretherton I. Internal working models revisited / I. Bretherton, K.A. Munholland // Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications. – 1999. – P. 89–111.
16. Carron A.V. Cohesion: conceptual and measurement issues / A.V. Carron, L.R. Brawley // Small Group Research. – 2000. – Vol. 31(1). – P. 89–106. doi.org/10.1177/104649640003100105.
17. Casakin H. How do analogizing and mental simulation influence team dynamics in innovative product design? / H. Casakin, L. Ball, B. Christensen, P. Badke-Schaub // AIEDAM – Artificial Intelligence for Engineering Design, Analysis and Manufacturing. – 2015. – Vol. 29(2). – P. 173–183. doi.org/10.1017/S0890060415000050.
18. Dong A. Investigating design cognition in the construction and enactment of team mental models / A. Dong, M.S. Kleinsmann, F. Deken // Design Studies. – 2013. – Vol. 34(1). – P. 1–33. doi.org/10.1016/j.destud.2012.05.003.

19. Goldschmidt G. To see eye to eye: the role of visual representations in building shared mental models in design teams / G. Goldschmidt // *CoDesign*. – 2007. – Vol. 3(1). – P. 43-50. doi.org/10.1080/15710880601170826.
20. Goodier C.I. Building future scenarios using cognitive mapping / C.I. Goodier, R. Soetanto // *Journal of Maps*. – 2013. – 9(2). – P. 203-217. doi.org/10.1080/17445647.2013.770997.
21. Harty C. The futures of construction: a critical review of construction future studies / C. Harty, C.I. Goodier, R. Soetanto, S. Austin, A.J. Dainty, A.F. Price // *Construction Management and Economics*. – 2007. – 25(5). – P. 477-493. doi.org/10.1080/01446190600879117.
22. Hobson R.P. Imitation and identification in autism / A. Lee // *Journal of Child Psychology & Psychiatry*. – 1999. – Vol. 40. – P. 649–659. doi.org/10.1111/1469-7610.00481.
23. Klinnert M.D. Social referencing: The infant's use of emotional signals from a friendly adult with mother present / M.D. Klinnert, R. N. Emde, P. Butterfield, J.J. Campos // *Developmental Psychology*. – 1986. – Vol. 22. – P. 427–432.
24. Mohammed S. Team mental models in a team knowledge framework: expanding theory and measurement across disciplinary boundaries / S. Mohammed, B.C. Dumville // *Organizational Research Methods*. – 2001. – Vol. 3(2). – P. 89–106. doi.org/10.1002/job.86.
25. Mohammed S. The measurement of team mental models: we have no shared schema / S. Mohammed, R. Klimoski, J. R. Rentsch // *Organizational Research Methods*. – 2000. – Vol. 3(2). – P. 123–165. doi.org/10.1177/109442810032001.
26. Shai D. Beyond words: Parental embodied mentalizing and the parent infant dance / D. Shai, P. Fonagy // *American Psychological Association*. – 2014. – P. 185–203. doi.org/10.1037/14250-011.
27. Stern D. The interpersonal world of the infant / D. Stern // *New York, NY: Basic Books*. – 1985. – P. 344. doi.org/10.4324/9780429482137.

THE SPECIFICITY OF THE EXPRESSION OF NEEDS, DEPENDING ON THE MENTAL MODEL OF THE MILITARY PERSONNEL

Mekebaev N.S.¹, Perevozkina Yu.M.^{1,2}, Fedorishin M.I.^{1,2}

¹Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation

²Novosibirsk State Pedagogical University,

Abstract. Military activity is an important area of work associated with the need to take into account command mental models, the accuracy and consistency of which determine the effectiveness of the result of the performance of service and combat tasks by units. Already at the initial stage of interaction, military personnel need to adapt, correct, and sometimes completely change the experience, beliefs and needs that are associated with an individual mental model in order to integrate new knowledge and develop a joint solution. The aim of the study was to study the collective mental model of military personnel, which includes not only role interaction, but also the needs that are actualized in a given situation. The design of the study involved the selection of roles by military personnel (N=167 people) as their own identity and the selection of roles for two other participants in social interaction. On this basis, generalized role mental models were built, consisting of three roles. Depending on the diagnosed mental model, the needs identified by the E. Schneider questionnaire (ANOVA) were compared. The results of the study showed that there were statistically significant differences in the needs for achievement, order and understanding among servicemen with different mental models of interaction ($p \leq 0.05$). In conclusion, it is concluded that the need can act as a factor that determines the characteristics of the collective mental models of military personnel.

Key words: mental model, serviceman, military professional activity, leadership style.